

Даиль Олег

Соф. Киргизия. - 1991. - 25 мая. - с. 10

25/IV 91.

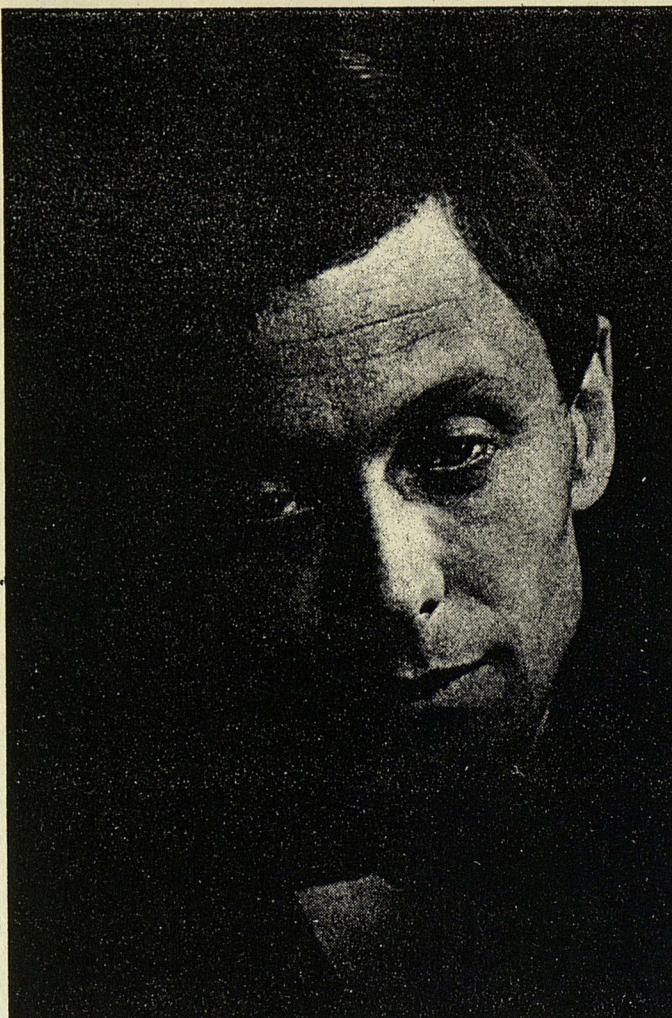
Живет в актере

Память об этом талантливом человеке и актере удивительно стойка. Уже давно исчезли с экранов его фильмы, потонули в море серых, с зазывными названиями изделий, на все лады и часто безрезультатно зазывающих зрителя в полупустые залы. А мы все еще вспоминаем Олега Даля, задумывая новые постановки, и не устаем повторять: был бы жив Олег, он бы отлично сыграл эту роль.

В каждом актере живет секрет. В чем же секрет Олега Даля, причина его не тускнющей памяти? Казалось бы, никаких признаков киногероя — ни блеска стальных зрачков, ни широких плеч, ни белозубой улыбки, ни властного подбородка. Худощавый, длинногорлый, слегка задумчивые серые глаза, плечи не так чтобы широки и не как у Марлона Брандо. Секрет его как раз в том, что он нетипичен, скорее — исключение, чем правило. Он единственный в своем роде, он — сам по себе.

Олег не был тщеславен, не старался выделяться, громко заявить о себе, афишировать свои успехи, не любил позировать и давать интервью. Ему было присуще стойкое чувство собственного достоинства, он был независимым ни от кого, ни от чего. Талант свой он ценил, верил в него, хотя и сомневался часто. Ему хотелось, чтобы его искусство оставило след в памяти людей, он понимал, что для этого надо заставить свою душу трудиться — только тогда память будет доброй.

Как-то через год или больше после окончания нашей с ним работы, к сожалению, единственной, над чеховской повестью «Дуэль» я получил от него письмо. Он просил меня просмотреть отснятый материал только что оконченного фильма. Он был недоволен своей работой, слишком поздно почувствовал свои ошибки. Может быть, в монтаже вырезать неудачные куски? И он просил меня уговорить молодого режиссера сделать это. Заканчивал письмо грустной нотой: «После Володи,— писал он, имея в виду Высоцкого, его близкого друга,— останутся его песни, а после меня — филь-

секрет

мы. По ним и будут судить обо мне».

Меня всегда поражала его способность импровизировать, ставить в тупик оператора, не успевшего уследить за неожиданным движением, жестом, поворотом. Как-то, в веселую минуту, Олег рассказал мне о своем поступлении в Щукинское училище. Перед приемной комиссией была поставлена выгородка с окном. Увлекшись своим этюдом, он так темпераментно распахнул окно, что в руках у него оказались не только обе створки, но и вся рама. Члены комиссии расхохотались. А Олег, не растерявшись, так удачно ввел эту раму в свой этюд, что был принят в училище с отличной оценкой.

Как талантливый и умный человек, он был скромен. Однажды я спросил его, не родствен-

ник ли он знаменитому создателю русского толкового словаря Владимиру Ивановичу Даю? Олег несколько смущенно и, как показалось мне, с неохотой ответил, что «вроде бы да». Он не желал ореола громкой славы своего знаменитого родственника, он предпочитал ей путь скромное, но свое.

Черты этого родства, думается мне, существовали в личности Олега Ивановича. Он был настоящим русским интеллигентом, знал и любил русскую литературу, писал стихи, рисовал, пел — одним словом, был разносторонне талантливым человеком. Он обладал безукоризненным вкусом, отлично владел русским языком, что, как ни странно, хочется отметить особо, как, увы, редкое явление.

Наше с Олегом знакомство

состоялось задолго до того, как я пригласил его на роль Лаевского в чеховской «Дуэли», экранизированной мною. (Фильм вышел под названием «Плохой хороший человек»). Известные его работы тех лет запомнились мне как фильмы музыкальные, но каким-то шестым чувством я ощущал, что возможности Олега намного шире, что из него получится отличный Лаевский, этот «лишний человек», томящийся в чужом городке на окраине России и ненавидящий все, кроме карт и водки. Мой выбор оказался счастливым — работа с Олегом над этой ролью была истинным наслаждением.

Я рассказал Олегу свой замысел — сделать Лаевского не таким, как его играл Николай Симонов в Александринке — с бородой и могучей фигурой, а молодым, хильм, в узких брюках, похожих на джинсы, в несвежей сорочке, рваных носках и с развинченной походкой. Роль эта удалась Олегу именно потому, что она требовала нервозности, взвинченности, раздражительности, а все эти черты хорошо удавались Олегу.

У музыканта должен быть абсолютный слух, у актера абсолютное чувство правды. Этим качеством Олег обладал в полной мере, поэтому в его ролях могут быть места менее удачные, менее совершенные, но фальшивых нет. Безотказная интуиция помогала ему безошибочно отличать рабскую погоню за правдоподобным от глубокой правды искусства.

Он презирал ложный пафос и «служение моменту». Он умел ненавидеть, бывал злым, глаза его, обычно добрые, смотрели сурово и даже враждебно. Таким становился его Лаевский, когда он в редкие минуты прозрения перед лицом смерти на неотвратимой дуэли, мысленно «развивая свиток» своей жизни, убеждался, что «за всю жизнь... не посадил ни одного деревца, не спас ни одной мухи, а только губил.. лгал, лгал, лгал».

В заключение хочу сказать, что Олег Даиль был удивительно и редкостно артистичен. Физические данные Олега были будто специально приспособлены к киноигре. Его глаза, в особенности руки, вся его фигура способны были выражать без слов состояние человека, иногда лучше, чем это делает слово. Поэтому он и был киноактером с головы до пят.

Иосиф ХЕЙФИЦ.
ЛЕНИНГРАД.

385